

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-173-185>

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Я.Д. Чечнёв

г. Москва, Россия

ПРЕОБРАЖЕНИЕ УРБАНИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ КОНСТАНТИНА ВАГИНОВА «ГАРПАГОНИАНА»: ФАНТАСТИКА БЫТА ЭПОХИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ. ЧАСТЬ 1

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-78-10093: «Поэтика пространства: кросскультурные связи русской и зарубежной фантастической литературы»), URL: <https://rscf.ru/project/24-78-10093/>

Аннотация: Первая часть статьи посвящена общей характеристике урбанистического пространства в романе К.К. Вагинова «Гарпагонияна». Разбираются источники образности последнего произведения писателя, важные для создаваемой ленинградской топографии. Показано, из каких деталей строится урбанистический хронотоп, в основе которого лежит мотив противостояния «старого» и «нового» города, как это воспринимают персонажи и как это сказывается на целостном переживании местности. Раскрыт прием, посредством которого бытовое описание жизни маргинальных групп города, к которым, помимо бандитов и хулиганов, принадлежат и представители интеллигенции, становится фантастическим. Прием построен на сопоставлении «дискурсов»: имперского, выраженного прежде всего в архитектуре зданий и воспоминаниях героев о детстве и юности до революции, и «социалистического», показанного через украшения Гостиного двора, Первомайские празднества с агиттрамваями и красными звездами и новых жителей города — бандитов. Описан дом-хранитель этиологической легенды местности, связанный с представлениями писателя о хранителях петербургской культуры.

Ключевые слова: К.К. Вагинов, «Гарпагонияна», литературный урбанизм, Зеленый дом, Анфертьев, Локонов, первая пятилетка.

Информация об авторе: Яков Дмитриевич Чечнёв — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9439-0430>

E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

Дата поступления статьи: 30.09.2024

Дата одобрения рецензентами: 03.03.2025

Дата публикации: 25.06.2025

Для цитирования: Чечнёв Я.Д. Преобразование урбанистического пространства в романе Константина Вагинова «Гарпагонияна»: фантастика быта эпохи социа-

листической реконструкции. Часть 1 // Вестник славянских культур. 2025. Т. 76. С. 173–185. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-173-185>

Роман «Гарпагониана» (<1932–1933>), созданный в эпоху индустриального штурма (об истории публикации см.: [12, с. 557–558]), изображает городских обитателей начала 1930 гг. Ленинград в канун первой пятилетки переживал культурный подъем, вызванный «идеологической передышкой» эпохи нэпа, специфику которой Д.С. Москвская определила так:

Он (период идеологической передышки. — *Я.Ч.*) стал кратким мигом торжества ленинградской культурной автономии и почти единодушного отпора ленинградской интеллигенции попыткам контроля центра над местными творческими и деловыми процессами. Ленинградские филиалы всероссийских институций культуры испытывали стремление головных офисов укротить «федералистские» настроения. В ответ местные подразделения старались сохранить «лица необщее выражение», что не могло не сказаться в литературном быту и «ленинградском тексте» русской литературы [8, с. 84].

«Гарпагониана» создана в русле традиции изображения города, которая была положена литературой XIX в., когда Петербург начал стремительно обрастать первыми полукапиталистическими заводами, железной дорогой, «капитальными» доходными домами, новыми каналами, соединившим фабричные районы с портом. Уже не Пушкинская Мойка, не Некрасовская Фонтанка, не Нева Достоевского, а вырытый, чтобы предотвратить наводнения, Обводный рукотворный канал стал доминантой ленинградской топографии начала 1930 гг. О его «царственном господстве» Н. Заболоцкий писал в «Столбцах» (1929): «В моем окне на весь квартал / Обводный царствует канал» («Обводный канал»). В записной книжке «Семечки» Вагинов зафиксировал народные топонимы Обводного — «Воняловка» (связан с функционалом канала, куда шли производственные и канализационные стоки расположенных по его берегам производственных предприятий) и «Золотой бережек или Курорт» (саркастическое наименование этого грязного и зловонного места) [19, с. 44, 279].

Обводный канал занимает значимое место в ленинградской топографии писателя, выполняя функцию связующего элемента между ключевыми локациями в его биографии. На севере он пересекается с Лиговским проспектом — местом, связанным с детскими годами автора [12, с. 517], а на юге завершается в районе Нарвской заставы, где на позднем этапе жизни писатель собирал материал для книги «Четыре поколения (Нарвская застава)» (1933) [4]. Таким образом, Обводный канал выступает в качестве символического медиатора, соединяющего начальный и финальный периоды творческого пути автора «Гарпагонианы». Топографическая триада «проспект — канал — застава» формирует основу для конструирования особой урбанистической образности, отражающей специфику ленинградского пространства в его произведениях.

Языковые особенности данной местности, тщательно зафиксированные писателем в дневниковых записях, оказали значительное воздействие на персонажей его произведений, трансформируя их внешний облик, поведенческие паттерны и мировоззренческие установки. В качестве иллюстрации можно рассмотреть образ бывшего дворянина Анфертьева. Первоначально он стремился к педагогической деятельности, однако в период Гражданской войны был принудительно мобилизован в Красную армию. После пленения белыми подвергся телесному наказанию за сотрудничество с противником, а затем, при захвате красными, едва избежал расстрела за работу

переводчиком у белых [12, с. 355, 399]. Пережитые травматические события привели к кардинальной деформации его личности: Анфертьев, декларируя приверженность «свободной жизни», фактически оказался вовлечен в маргинальные практики [12, с. 355]. В условиях запрета частной собственности он занялся полулегальной торговлей разнородными товарами, включая эксцентричные (например, записанные сновидения и ненормативную лексику), а также установил связи с криминальными элементами, монетизируя исполнение городских романсов на стихийно организуемых уличных мероприятиях [9].

Вагинов включил в роман только малую часть собранных им фольклорных и «парафольклорных» форм, зафиксированных на страницах записной книжки «Семечки». Записи показывают стремление писателя изучить тот регистр языка, на котором «говорит народ», и те формулы, которые следует употреблять в разговоре с ним. При сопоставлении записной книжки и романа на первый план выходит пласт хулиганской, воровской речи, слова и обороты которой активно используют как бандиты, так и ключевые персонажи произведения. «Он (Анфертьев. — *Я. Ч.*) видел медуз, запускающих свои щупальца в кооперативы» (медуза — вор-городушник); «В годы Гражданской войны Мировой боговал на Пушкинской и на Лиговке...» (боговать — царить, властвовать); «— Нагазовался я (собеседник Анфертьева и Вшивой Горки. — *Я. Ч.*) сегодня. / — Небось гусыню одолел. / — Кто это там в перчиках вошел?» (нагазовался (от «газ держать») — напился, гусыня — четверть бутылки вина, перчики — перчатки) [12, с. 421, 430, 492; 19, с. 44, 46, 421, 427]. Другой пласт — диалоги и реплики горожан, включенные в текст для создания речевого фона, на котором действуют герои (главы «Гроза» и «В поезде»).

Вагинов уточнил фактографическую задачу изображения в литературе «живого человека» и поместил в повествование «живую речь», лишенную художественных мотивировок, не требующую авторского препарирования [5, с. 23].

Урбанистическое пространство города в «Гарпагониане» строится на противоречиях, оксюморонах, деталях. Вагинов избегает зарисовок общих планов Ленинграда; рассказчик, а также некоторые персонажи, бегло дают обзор панорамы города. Увиденный их глазами Ленинград разделен на две части: старую и новую. Первая соотносится с историческим центром города, где жизнь остановилась на 1870 гг. На этом акцентирует внимание Анфертьев:

Если б приехала в Ленинград какая-нибудь старушенция, не бывавшая в нем с семидесятих годов, она почти бы и не заметила, что произошли великие перемены в мире. Она бы снова пошла по Невскому проспекту, обратила бы свое внимание на несколько новых зданий. Это были бы, преимущественно, банки. Она пошла бы по Надеждинской, по Вознесенскому, по Кировой, по Шпалерной, по Жуковской, по переулкам — все, по ее мнению, осталось бы, как прежде [12, с. 415].

Ключевой характеристикой исторического центра города выступает его временная стабильность и устойчивость к трансформациям. Использование персонажем (Анфертьевым) устаревших топонимических обозначений выполняет двоякую функцию: маркирует его как репрезентанта дореволюционной городской культуры и демонстрирует «выживаемость» прежнего семиотического пространства в коллективном сознании данной социальной группы. Этот феномен отражает сохранение

культурной памяти, при котором архитектурный облик барочных и ампирных зданий продолжает ассоциироваться с утраченной петербургской идентичностью. Основопологающей чертой исторического ядра города является его хронологическая неизменность и сопротивляемость (квази)модернизационным процессам.

Новая часть города — это застраиваемые окраины прежнего Петербурга, где преобладают дома другой архитектуры. Во время прогулки Анфертьев говорит Локонову:

Небось не приглядывались к новой архитектуре при свете луны. До сих пор ведь вы жили в центре среди таких ампирных зданий, дворцов в стиле барокко, соборов, правительственных зданий и доходных домов времен империи. Посмотрите при лунном свете на другие дома, как они выглядят ночью, горят ли в них огни, несется ли музыка [12, с. 414].

Новые здания представляются чуждыми героям «Гарпагонианы», они, по сравнению с объектами центральной части города, кажутся громоздкими, неказистыми и безвкусными, состоящими сугубо из стекла, железа и бетона. Но чужеродность их заключалась не только в этом. Здания «не образовывали улиц» [12, с. 414], протяженных, широких репрезентативных фасадов, характерных для центральной части города — «визитной карточки» Петербурга.

«Архитектура Петербурга требует широких пространств, далеких перспектив, плавных линий Невы и каналов» [2, с. 31], — писал известный градoved Н.П. Анциферов. Возникающий на периферии новый Ленинград не имел в глазах героев «Гарпагонианы» этих истинно петербургских качеств. Вместо архитектурных пейзажей они видели нагромождение зданий, в котором не чувствовалось порядка, характерного для центра города. Анфертьев не слышит «музыку» возникающих на периферии домов без «водочки»: «Хотите узнать музыку новых домов. Только шалишь, без водочки ее не узнаешь» [12, с. 414]. Лишь алкоголь способен примирить героя с возникающим на бывшей окраине новым Ленинградом. На трезвую голову он не испытывает необыкновенного подъема чувств при взгляде на Дома культуры и дома «без архитектуры» (авангардные постройки), вроде фабрик-кухонь. Новая часть города безлика, сугубо функциональна и, как подает это Вагинов, способствует созданию деклассированной психологии и развитию асоциального поведения.

В романе «Гарпагониана» пространственная организация новой части города представлена фрагментарно и функционально. Персонажи демонстрируют выраженную аполитичность по отношению к современным урбанистическим реалиям. Так, при переезде Локонова на Выборгскую сторону описывается исключительно его жилье — нищенская комната в деревянном доме [12, с. 383], тогда как остальные элементы городской среды остаются за пределами нарратива. Примечательно, что в тексте практически отсутствует изображение пролетариата как социальной группы. Новая часть города изображается малолюдной и статичной. Согласно точке зрения персонажа Пуншевича, ночное время жители посвящают восстановлению сил для выполнения производственных норм, установленных пятилетним планом [12, с. 410]. Последний интерпретируется как механизм социальной интеграции, формирующий новые корпоративные связи. Дневная городская среда, напротив, насыщена символикой: преобладание красного цвета, масштабные изображения рабочих, праздничное оформление (включая трамвай с электрической звездой) [12, с. 409] создают эффект визуальной доминанты, что особенно заметно в период празднования 15-летия Октябрьской революции [14; 15]. Центральным элементом новой урбанистической модели, по версии Пуншевича, выступает

завод как структурное ядро, вокруг которого формируется вся инфраструктура: «Если когда-то зерном города являлся царский дворец, Акрополь, то теперь зерном города будет являться завод. Вокруг него будут возникать строения, парки, он будет окружен аллеями, мостами» [12, с. 410]. Данная концепция противопоставляется традиционной градостроительной парадигме с акцентом на дворцовую архитектуру.

В романе Вагинова фиксируется существенное социокультурное противоречие, возникшее в период социалистической реконструкции Ленинграда. Автор художественными средствами репрезентирует конфликт между историческим архитектурным наследием, воплощающим культурную идентичность Петербурга, и доминирующей идеологической парадигмой, определяющей вектор городской трансформации. Пространственная организация города отражает это противостояние: центральные районы, сохраняющие элементы дореволюционной урбанистической культуры, включены в новую промышленную инфраструктуру.

В официальном дискурсе того периода Ленинград позиционировался как «город-завод» (см. Обращение Центрального комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР. О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда от 3 декабря 1931 г.), что подчеркивало его производственную функцию. Однако, как показывает текст романа, историческое ядро города продолжало сохранять элементы «буржуазной» культуры, что создавало ощутимый семиотический диссонанс. Данное противоречие проявлялось на нескольких уровнях: архитектурном (контраст исторических и промышленных зданий), идеологическом (противопоставление старой и новой культурных парадигм), психологическом (внутренний конфликт у представителей дореволюционной интеллигенции).

Некрасовская метафорическая картина окруженного белого города «зловещим для него черным городом» («О погоде», третья часть — «Сумерки»), подхваченная Блоком в «Фабрике» (1903), для Вагинова стала реальностью, получила конкретное воплощение: в непосредственной близости от места жительства автора романа (канал Грибоедова, 105; бывший Екатерининский) на месте знакомого ему разобранного Литовского рынка рядом с Мариинским театром вырос конструктивистский Дворец культуры им. Первой пятилетки (1929–1930). Этот факт демонстрирует процесс физического вторжения новой идеологической семиотики в традиционное культурное пространство города.

В «Гарпагониане» процесс интеграции двух противоположных начал — различных частей города — оказывает существенное влияние на восприятие его целостности персонажами. Акустический и визуальный образ Ленинграда в тексте формируется за счет элементов ушедшей культурной эпохи, утративших связь с первоначальным единством. К ним относятся: городские романсы XIX века, сочетающиеся с тюремным фольклором (глава XV «Гастроль Анфертьева»); архитектурные контрасты (фабрики-кухни и «необращенные» и «неоримские» здания); парадная символика («колыбель Октября» с революционными лозунгами и праздничной атрибутикой), соседствующая с криминальной средой, где один из персонажей, по выражению Анфертьева, уподобляется «новому Вийону» [12, с. 431]; поливалентный образ Пушкина, функционирующий в художественном пространстве произведения в нескольких ипостасях: как трикстер в низовых анекдотах, как материальный объект (памятник поэту, расположенный в сквере около Лиговки — места действий бандита Мирowego в годы Гражданской войны) и как культурный символ (сборник стихов Пушкина в библиотеке Марии Львовны Локоновой) [12, с. 373, 376–377, 382, 430, 479–480]. Кроме того, важную роль играют артефакты дореволюционного и советского быта: визитные карточки,

канцелярские принадлежности (кнопки, перья), предметы обихода (пуговицы, мебель, одежда), а также маргинальные элементы (окурки, спичечные коробки, обрезанные ногти), собранные в комнате преподавателя голландского языка Жулонбина. Композиционно «Гарпагониана» организована по принципу «кунсткамеры» — собрания эпизодов, посвященных курьезным обитателям Ленинграда, чья повседневность существует вне доминантных нарративов эпохи первых пятилеток: индустриального прорыва, социального переустройства и «перековки» человека [10, с. 177–178].

Писатель не изображает урбанистические панорамы, окружающие героев. Ему не свойственно давать персонифицированные характеристики тем или иным улицам, как это делал Бальзак в «Человеческой комедии», или размышлять о специфике местности на основе одного проспекта, как это было у Гоголя. Невский проспект появляется в «Гарпагониане», но вскользь, через характерный топоним — Гостиный двор.

Гостиный Двор, собственно, верхние аркады Гостиного Двора были украшены плакатами с гигантскими изображениями рабочих, как будто улицы у Домов Культуры были уставлены шестами с полотнищами или, может быть, со щитами, на которых были начертаны лозунги,

— так перебирает свои впечатления от первомайской демонстрации Локонов [12, с. 408–409]. Вагинов передает основную характеристику Невского проспекта, названного большевиками проспектом 25 Октября — лихорадочное движение. Т. е. все богатое содержание главной улицы русской литературы вытесняет в сознании героя «Гарпагонианы» браваурный первомайский праздник с гигантскими плакатами, лозунгами, полотнищами. Суэта Невского проспекта продолжается на «социалистическом» проспекте 25 Октября.

Н.П. Анциферов отмечал, что Гоголю, несмотря на «кажимость», Невский проспект представлялся всеобщей коммуникацией, тогда как для героев Достоевского он был только скоростной магистралью для карет и рысаков.

Достоевский своими описаниями главной артерии дает ясно почувствовать, что Невский проспект — чужд его героям. Что они здесь случайные, лишние люди [3, с. 348].

Так и для Локонова из «Гарпагонианы» проспект 25 Октября — чужая улица, «вышибающая» из сознания какие бы то ни было впечатления, оставляя только обрывки лозунгов и фрагменты гигантских портретов. Фантастика Невского проспекта строится Вагиновым не на основе появления грозного inferнального существа, как это было у Гоголя («и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде» [16, с. 46]), а на несоответствии двух «дискурсов»: имперского, выраженного прежде всего в архитектуре зданий, и «социалистического», показанного через украшения Гостиного двора и первомайский праздник с агиттрамваем и красными звездами.

В уличном ландшафте Ленинграда особое внимание Вагинова привлекают дома, взятые сами по себе, в отдельности. Анциферов отмечал, что Достоевский тоже со вниманием относится к домам Петербурга.

Дома, эти *монады*, образующие город, приобретают особое значение для писателя как обиталища его героев. Дом обрисовывается как особенный мирок, живущий своей таинственной жизнью, влияющий, так или иначе, на судьбу своего обитателя. При описании урбанических ландшафтов Достоевского приходилось не раз отметить его *пристальное* отношение

к дому. Но этот интерес лишен эстетического любования. Дом для него не художественное произведение, а сгусток социальной жизни, материальная ее форма. Архитектурные особенности дома интересуют Достоевского не как элементы искусства, а как части некоего организма [3, с. 351] (курсив автора. — Я. Ч.).

Для Вагинова дома также аккумулируют в себе разные стороны социальной жизни. Писатель тщательно подбирает в Ленинграде отдельные места, где могли бы обитать его чудаковатые и «диковатые» персонажи. В «Бамбочаде» это были окрестности Чесменской церкви, в «Гарпагониане» — два дома, существенно отличающиеся друг от друга, — «Зеленый дом» и новая «Вяземская лавра». Едва очерчивая общую панораму города, Вагинов, подобно Достоевскому, выстраивает фон, на котором резко выделяет эти объекты [2, с. 59], что показывает их наибольшую смысловую ценность в художественном пространстве романа.

Первый из них — «Зеленый дом», место, где собираются герои романа. До него они добираются на трамвае № 20 (реальный маршрут¹), который во время первой пятилетки шел по маршруту площадь Лассаля (площадь Искусств) — Озерки. Упомянут также конкретный адрес, куда едут герои: переулок Чехова, дом 12, квартира 2 [12, с. 384]. Такое название в 1930 г. носил бывший Эртелев переулок, находящийся на Литейной стороне. По этому адресу писатель селит своего персонажа Торопуло, на квартире которого собирается «Общество по собиранию мелочей» и которую посещают другие герои «Гарпагонианы».

«Зеленый дом» в романе описан следующим образом:

Дом был какой-то удивительный, зеленый, облупленный, с выступающими на улицу фигурами, с пышным подъездом, с нависающими балкончиками, с удивительно узенькими окнами, с чрезвычайно изогнутой крышей, с газовыми фонарями на извилистых стеблях.

Дом был сдавлен с боков многоэтажными домами без всякой архитектуры, домами, состоявшими сплошь из надстроек, тоже облупленными. Первые этажи этих домов были построены в начале прошлого столетия, а последующие добавлялись по мере роста благосостояния владельцев или по случаю перехода в другие руки [12, с. 358].

Важен этот дом в «Гарпагониане» не только как место встреч героев. С ним связано детство циника и торгаша Анфертьева, мать которого была оперной певицей и жила в той же квартире, что и Торопуло. Притягателен этот дом и для Локонова: его возлюбленная Юленька посещает вечера, которые там проводятся.

«Зеленый дом» — реально существующий и по сей день бывший доходный дом, построенный в стиле эклектики в 1882 г. по проекту М.И. фон Вилькена доктором В.Ф. Краевским на месте другого дома, принадлежавшего Л.А. Шландеру по Эртелеву переулку (современный адрес — улица Чехова, дом 3) [1, с. 24–27, 73].

Улица Чехова была «литературной» улицей. В доме № 3, где Вагинов селит Торопуло, располагался один из центров литературной жизни — редакция «Нового журнала для всех», которая находилась в тесной квартире во дворе и где бывали А. Ахматова, О. Мандельштам, К. Бальмонт, М. Кузмин, В. Маяковский. Там же читал свои стихи С. Есенин [1, с. 146–148]. В 1920 г. в доме № 3 жил Ник. Никитин, участник группы «Серапионовы братья», написавший в 1922 г. «Рвотный форт» (с лидером «Серапионов» — Львом Лунцем — Вагинов мог пересекаться на вечерах у Иды и Фредерики Наппельбаум [20, с. 43–44]).

¹ Помимо этого, в романе упомянуты маршруты трамваев № 18 (Ленинградский порт — улица Батенина) и 23 (2-й Елагин мост — Охта).

Рассказчик «Гарпагонианы» размышляет и об архитектуре дома, где живет Торопуло:

Этот дом не упоминался ни в книге Курбатова, ни в изящных изданиях предреволюционных лет. Также о нем не упоминалось и в послереволюционных изданиях. Этот дом относился к презираемой всеми архитектурной эпохе, не достаточно отошедшей, чтоб к ней могли отнестись беспристрастно. <...> Этот витиеватый дом в четыре этажа казался какой-то дикой фантазией, и было чрезвычайно странно, что он построен именно здесь, в этом доходном переулке [12, с. 358–359].

Упоминание В.Я. Курбатова, известного ученого, краеведа свидетельствует о «топографической» осведомленности Вагинова, который своим героям передает собственное увлечение историей города. В данном случае Локонов скорее всего обращался к самой известной книге Курбатова «Петербург: художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы» [18].

Витиеватая архитектура дома Краевского со статуями, балкончиками, пышной парадной на фоне окружающих его домов, в основном безликих (за исключением мрачного «готического» особняка Суворина), соответствует характеру персонажей, посещавших квартиру Торопуло: таких же неординарных, странных, эксцентричных чудаков, фантазеров и мечтателей, которые, неизвестно по какой причине, не протаргизировались и продолжали демонстративно не идти в ногу со временем, игнорировали кипящую жизнь бывших окраин Ленинграда, занимались своими «узкоцеховыми» делами.

Архитектура «Зеленого дома» в тексте «Гарпагонианы» контрастирует с типовой застройкой городской периферии. В отличие от упрощенных стеклобетонных конструкций, доминирующих в новых районах, этот объект, расположенный в переулке Чехова, демонстрирует сложную композицию, объединяющую разнородные стилистические элементы. Подобная эклектика противопоставлена принципам функционализма и минимализма, характерным для массовой архитектуры советского периода.

В художественном пространстве романа «Зеленый дом» репрезентирует исторические пласты, сформировавшие культурный облик Петербурга-Ленинграда. Его архитектура интерпретируется как материальное воплощение процессов реинтеграции России в общеевропейский культурный контекст (имеется в виду послепетровская модернизация и последующее взаимодействие с западноевропейскими традициями). Здание, принадлежащее «отцу русской атлетики» В.Ф. Краевскому, синтезирует разнобразные архитектурные тенденции, отражающие эстетическую сложность «северной столицы». В романе оно приобретает метафорический статус, становясь архитектурно-символом городской идентичности и хронотопическим узлом, аккумулирующим культурные напластования разных эпох. Знаково, что именно в этом пространстве автор поселяет инженера Торопуло — персонажа-«эллиниста», выполняющего функцию хранителя традиции. Его собирательская деятельность (объединяющая маргинальных представителей «петербургского племени») перекликается с мотивами стихотворения К. Вагинова «До белых барханов твоих», подчеркивая устойчивость культурных моделей вопреки историческим трансформациям.

Эклектичная архитектура дома выполняет функцию своеобразного социального микрокосма, объединяющего разнородных в статусном отношении героев: мечтателя Локонова (представитель интеллигентской прослойки), Анфертьева — деклассированного элемента, если пользоваться терминологией эпохи, студентки Юленьки («новый

человек» советской эпохи), профессора физики Пуншевича (фигура дореволюционной научной культуры), инженера Торопуло (технический специалист периода индустриализации). В индивидуальном измерении каждый персонаж репрезентирует отдельный фрагмент городской социальной ткани эпохи социалистической реконструкции. Однако их совокупное присутствие в пространстве эклектичного здания формирует целостный феномен, относящийся к петербургской культурной топике первой пятилетки. Данный феномен демонстрирует удивительную устойчивость городской идентичности, сохраняющей свои базовые характеристики вопреки радикальным политическим трансформациям. Архитектурная эклектика дома таким образом получает свое социальное воплощение, выступая материальным субстратом для сохранения традиционных моделей городской коммуникации.

Выбор писателем дома на Литейной стороне Ленинграда не случаен. Эта часть города неотделима от трехвековой истории Петербурга; Литейный проспект — старейшая улица города. На ней, в частности, располагался дом (Литейный, 25), принадлежавший матери Вагинова — Л.А. Вагенгейм, жене поручика К.А. Вагенгейма [13, с. 86]. Также недалеко от этих мест, в самом начале Лиговского проспекта (д. 1), находились Гимназия и реальное училище Я.Г. Гуревича, где учился сам Вагинов. Литейная сторона — это местность детства и отрочества писателя и старейшее место города, где проживал цвет бывшей империи, которому молодой Вагинов посвятил стихотворение «Петербургцы»:

Мы помним наш город, Неву голубую,
Медвяное солнце, залив облаков,
Мы помним Петрополь и синие волны,
Балтийские волны и звон площадей [11, с. 43].

Глубокое знание истории местности, нерушимая связь с ней, переживание за ее судьбу — черты, которые, по мысли Н.П. Анциферова, присущи писателю-урбанисту. Литейная сторона — малая родина писателя, возвращение к которой на излете жизни означает, что потеря личной связи с этим местом очень многое значила для Вагинова. Проживая в противоположном конце Ленинграда, на набережной канала Грибоедова, 104–105, около Коломны, писатель возвращает на Литейную сторону своих героев, чтобы подчеркнуть их связь с двухсотлетней историей Петербурга, а не только с определенным временным промежутком — социалистической перестройкой Ленинграда. Литейный проспект именовали улицей интеллигенции [6, с. 4], что имело для Вагинова особое значение, так как его Петербург был городом в первую очередь интеллигентским, местом наук и книжников, которые продолжали «дело Петрово» по приобщению России к вершинным достижениям европейской цивилизации.

Эклектичная архитектура дома, избранного автором «Гарпагонианы» в качестве пространства для персонажей, репрезентирует ключевую характеристику городской культуры — способность к мимикрии в условиях исторических трансформаций. Данное свойство находит параллели в градостроительной практике Петербурга, где, несмотря на стилистическое разнообразие отдельных зданий, сохраняется архитектурная целостность городского ансамбля. Исторически петербургская архитектура демонстрирует уникальный синтез урбанистических новаций и традиционных принципов градостроительства. Как отмечает М.С. Каган, формирование особого архитектурного стиля города происходило в процессе творческого взаимодействия между приглашенными

европейскими зодчими и русскими мастерами: «...они сами изменяли свою творческую манеру под влиянием русских мастеров» [7, с. 60]. Этот диалектический процесс привел к возникновению уникального феномена — способности инокультурных архитектурных элементов органично вписываться в локальный контекст, сохраняя при этом собственную идентичность.

В «Гарпагониане» эклектичный дом В.Ф. Краевского становится материальной метафорой этой культурной особенности, воплощая способность городского пространства и его обитателей адаптироваться к меняющимся историческим условиям, не утрачивая при этом своей сущностной природы.

Выбранный Вагиновым «Зеленый дом» выглядит не только причудливым, но торжественным и праздничным. Такими же «вечно пирующими» чудаками являются его обитатели и их гости. Недаром в романе дворник так аттестует Торопуло:

Да, теперь там инженер помещается, специалист! Жрет так, что просто чертям тошно. Тоже народ к нему шляется. Одно беспокойство... <...> Всех он нас замучил, покою нет. Только заснешь — звонок... ворота отпирай. Просит, вы, Иван Сергеевич, мне все, что говорят в доме о еде, передавайте. Каждую неделю меня призывает и выпытывает [12, с. 367].

Вагинов вместе с большинством представителей «старой» интеллигенции, разделял главную нравственную задачу времени, сформулированную основателем Института истории искусств графом В.П. Зубовым:

...все, что я могу спасти из наследия прошлого, я спасу, буду бороться за последнюю люстру, за малейший пустяк. Я прикинусь чем угодно, приму любую политическую окраску, чтобы охранить духовные ценности, которые возместить труднее, чем людей [17, с. 23].

Отрыв от породившей их культурной среды — дореволюционного Петербурга — приводит к деградации представителей интеллектуального слоя, изображенных в произведениях Вагинова. В «Гарпагониане» писатель подчеркивает, что уцелевшие представители «петербургского племени» в условиях социалистического Ленинграда продолжают борьбу за сохранение духовных ценностей. Однако формы этой борьбы либо сводятся к саморефлексии, служащей исключительно конструированию идентичности в рамках узкого круга «единомышленников», либо принимают абсурдный характер. Яркой иллюстрацией служит образ Торопуло. Его культурные практики — коллекционирование кулинарных рецептов под предлогом изучения «психологии рабочего класса» или создание «Общества по собиранию мелочей» — маркируют вырождение традиции. Таким образом, Вагинов фиксирует трансформацию петербургской интеллектуальной традиции: сохраняя внешние формы (салоны, коллекционирование, просветительство), она утрачивает содержательную основу, что приводит к ее редукции до уровня пародии или болезненной стилизации.

Список литературы

Исследования

- 1 Аксельрод В.И., Исаченко В.Г. Улица Чехова. М.: Центрполиграф, 2010. 266 с.
- 2 Анциферов Н.П. Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга: Приложение к репринт. воспроизведению изд. 1922, 1923, 1924 гг. М.: Книга, 1991. 420 с.

- 3 *Анциферов Н.П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / [сост., послесл. Д.С. Московской]. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 581 с.
- 4 *Бреслер Д.М., Дмитренко А.Л.* Константин Вагинов в диалоге с пролетариатом (Литературный кружок завода «Светлана» и работа над историей Нарвской заставы) // *Русская литература*. 2013. №4. С. 212–234.
- 5 Бреслер, Д. «Если <роман> вытащить на солнце, от него ничего не останется»: прагматика второй редакции «Гарпагонианы» Конст. Вагинова // *Новое литературное обозрение*. 2018. №6 (154). С. 15–26.
- 6 *Исаченко В.Г., Питанин В.Н.* Литейный проспект. Л.: Лениздат, 1989. 142 с.
- 7 *Каган М.С.* История культуры Петербурга. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного ун-та профсоюзов, 2008. 319 с.
- 8 *Московская Д.С.* Неизвестное стихотворение Александра Введенского «Сатира на женатых». К истории темы // *Новый филологический вестник*. 2018. №3 (46). С. 162–173.
- 9 *Чечнёв Я.Д.* О снах нового типа в романе К.К. Вагинова «Гарпагониана» // *Новый филологический вестник*. 2019. №4 (51). С. 282–294.
- 10 *Чечнёв Я.Д.* «Старый» интеллигент в повести Н.С. Тихонова «Анофелес» (1930): кризис маскулинности и невозможность «второго рождения». Статья 1 // *Новый филологический вестник*. 2024. №1 (68). С. 177–188.

Источники

- 11 *Вагинов К.К.* Песня слов. М.: ОГИ, 2012. 368 с.
- 12 *Вагинов К.К.* Полное собрание сочинений в прозе. СПб.: Гум. агентство «Академический проект», 1999. 590 с.
- 13 Весь Петербург на 1901 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1901. 913 с.
- 14 Вечерняя красная газета. 1932. № 259 (3234). С. 1.
- 15 Вечерняя красная газета. 1932. № 260 (3235). С. 1–3.
- 16 *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3. Повести / [ред. В.Л. Комарович]. 728 с.
- 17 *Зубов В.П.* Страдные годы России. М.: Индрик, 2004. 319 с.
- 18 *Курбатов В.Я.* Петербург: художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы: с 315 иллюстрациями. СПб.: Община Св. Евгении, 1913. 658 с.
- 19 Семечки: записная книжка Константина Вагинова: комментированное издание / ред.-сост.: Д.М. Бреслер и М.Л. Лурье; подгот. текста Д.М. Бреслера [и др.]; коммент. Д.М. Бреслера [и др.]. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2023. 431 с.
- 20 «Серапионовы братья» в зеркалах переписки. М.: Аграф, 2004. 709 с.

© 2025. Yakov D. Chechnev
Moscow, Russia

TRANSFORMATION OF THE URBAN SPACE IN KONSTANTIN VAGINOV'S
NOVEL "HARPAGONIANA":
THE FANTASY OF EVERYDAY LIFE IN THE ERA OF SOCIALIST RECON-
STRUCTION. PART 1.

Acknowledgments: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature RAS with a grant from the Russian Science Foundation No. 24-78-10093, Available at: <https://rscf.ru/project/24-78-10093/>

Annotation: The first part of the paper deals with a general characterization of urban space in K.K. Vaginov's novel "Harpagoniana". It highlights the sources of imagery of the writer's last work, which are important for the Leningrad topography being created. The author shows from what details the urban chronotope is built, which is based on the motif of confrontation between the "old" and "new" city, how it is perceived by the characters and how it affects the holistic experience of the area. The paper reveals the technique by means of which everyday description of the life of marginalized groups of the city, to which, in addition to gangsters and hooligans belong the intellectuals, becomes fantastic. The technique is based on the juxtaposition of "discourses": imperial, expressed primarily in the architecture of the buildings and the memories of the Gers of their childhood and youth before the revolution, and "socialist", shown through the decorations of the Gostiny Dvor, May Day festivities with agit-trams and red stars, and the new inhabitants of the city — bandits. The study portrays the house-keeper of the etiological legend of the area, connected with the writer's perceptions about the keepers of St. Petersburg culture.

Keywords: K.K. Vaginov, "Harpagoniana", Literary Urbanism, Green House, Anfertiev, Lokonov, the First Five-year Period.

Information about the author: Yakov D. Chechnev — PhD in Philology, Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9439-0430>

E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

Received: September 30, 2024

Approved after reviewing: March 03, 2025

Date of publication: June 25, 2025

For citation: Chechnev, Ya.D. "Transformation of the Urban Space in Konstantin Vaginov's Novel "Harpagoniana": the Fantasy of Everyday Life in the Era of Socialist Reconstruction. Part 1." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 76, 2025, pp. 173–185. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-173-185>

References

- 1 Aksel'rod, V.I., Isachenko, V.G. *Ulitsa Chekhova [Chekhov Street]*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2010. 266 p. (In Russ.)

- 2 Antsiferov, N.P. *Dusha Peterburga; Peterburg Dostoevskogo; Byl' i mif Peterburga* [*The Soul of St. Petersburg, Dostoevsky's Petersburg, The Past and the Myth of St. Petersburg*]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 420 p. (In Russ.)
- 3 Antsiferov, N.P. *Problemy urbanizma v russkoi khudozhestvennoi literature: opyt postroeniia obraza goroda — Peterburga Dostoevskogo — na osnove analiza literaturnykh traditsii* [*Issues of Urbanism in Russian Fiction: Experience of Constructing the Image of the City — Dostoevsky's St. Petersburg — Based on the Analysis of Literary Traditions*]. Moscow, IWL RAS, 2009. 581 p. (In Russ.)
- 4 Bresler, D.M., Dmitrenko, A.L. “Konstantin Vaginov v dialoge s proletariatom (Literaturnyi kruzhok zavoda ‘Svetlana’ i rabota nad istoriei Narvskoi zastavy)” [“Konstantin Vaginov in Dialogue with the Proletariat (Literary Circle of the ‘Svetlana’ Plant and Work on the History of the Narva Outpost)”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2013, pp. 212–234. (In Russ.)
- 5 Bresler, D. “‘Esli <roman> vytashchit' na solntse, ot nego nichego ne ostanetsia’: pragmatika vtoroi redaktsii ‘Garpagoniany’ Konst. Vaginova” [“‘If <Novel> is Taken out in the Sun, Nothing Remains of it’: the Pragmatics of the Second Edition of Konst. Vaginov's ‘Harpagoniana’”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6 (154), 2018, pp. 15–26. (In Russ.)
- 6 Isachenko, V.G., Pitandin, V.N. *Liteinyi prospect* [*Liteiny Prospekt*]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1989. 142 p. (In Russ.)
- 7 Kagan, M.S. *Istoriia kul'tury Peterburga* [*Cultural History of St. Petersburg*]. St. Petersburg, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., 2008. 319 p. (In Russ.)
- 8 Moskovskaia, D.S. “Neizvestnoe stikhotvorenie Aleksandra Vvedenskogo ‘Satira na zhenatykh’. K istorii temy” [“Alexander Vvedensky's Unknown Poem ‘Satire on the Married’. To the History of the Theme”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (46), 2018, pp. 162–173. (In Russ.)
- 9 Chechnev, Ia.D. “O snakh novogo tipa v romane K.K. Vaginova ‘Garpagoniana’” [“On Dreams of a New Type in the Novel by K.K. Vaginov's ‘Harpagoniana’”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4 (51), 2019, pp. 282–294. (In Russ.)
- 10 Chechnev, Ia.D. “‘Staryi’ intelligent v povesti N.S. Tikhonova ‘Anofeles’ (1930): krizis maskulinnosti i nevozmozhnost' ‘vtorogo rozhdeniia’. Stat'ia 1” [“‘Old’ Intellectual in N.S. Tikhonov's Story ‘Anopheles’ (1930): the Crisis of Masculinity and the Impossibility of ‘Second Birth’. Article 1”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 1 (68), 2024, pp. 177–188. (In Russ.)